

DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.081-105

Т. И. Демченко*

Российская политико-правовая мысль о культуре государственного строительства

Аннотация. В статье говорится о понимании культуры отечественными мыслителями и ее объединительной роли в обществе и государстве. Несовершенство, в котором часто пребывало российское общество, определяло движение мысли от сущего к должному. В сложном, длительном процессе искания должного отечественные мыслители вырабатывали качественные идеи, направленные на идеальное понимание, справедливое устройство и действие государства. Обоснование идеального устройства государственной жизни связывалось ими с постижением смысла жизни, национальной идеи, сущности власти, государства. Утверждалось, что без их понимания государство не может определить не только высшую цель, но и конкретно-исторические задачи. Оно не может выработать справедливые и эффективные государственные веления. В результате современной вестернизации России на официальном уровне утвердился приоритет материальной культуры, ориентируемой на материальное обогащение, успешность, престиж в обществе. Это привело к утрате культурой ее истинной роли и национальных особенностей. Провозгласив количественный критерий, современная культура разъединила людей, перестала выполнять объединительную миссию в обществе, государстве, служить качеству национальной жизни. Вытесняемая на официальном уровне, русская культура сохраняется в различных сферах народного сознания и бессознательного. Задача возрождения, сохранения и возвеличивания России требует настоящей перестройки российской государственности в соответствии с принципами собственной политико-правовой культуры. Решение этой задачи побуждает к углубленному анализу, переосмыслению и новому прочтению того, что выработано отечественными мыслителями относительно понимания и роли культуры в устройстве и жизнедеятельности государственно-организованного общества.

Ключевые слова: сущее; должное; общество; народ; нация; государство; государственный идеал; культура; государственное строительство; верховная власть; исполнительная власть; соотношение верховной и исполнительной власти; идея ранга.

Для цитирования: Демченко Т. И. Российская политико-правовая мысль о культуре государственного строительства // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 11. — С. 81–105. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.081-105.

Russian Political and Legal Thought on the Culture of State Building

Tamila I. Demchenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute of the North Caucasus Federal University
ul. Pushkina, d. 1, str. 2, Stavropol, Russia, 3550029
caf.teorii@yandex.ru

Abstract. The paper shows how Russian thinkers understand culture and its unifying role in society and the state. The imperfection inherent in Russian society determined the movement of thought from existing to what is due.

© Демченко Т. И., 2020

* Демченко Тамила Ивановна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета ул. Пушкина, д. 1, стр. 2, г. Ставрополь, Россия, 3550029
caf.teorii@yandex.ru

In a complex, long-term process of searching for what is due, Russian thinkers have developed high-quality ideas aimed at an ideal understanding, a just structure and action of the state. Justification of the ideal structure of state life was associated with the comprehension of the meaning of life, the national idea, the essence of power, the state. It was argued that without their understanding, the state cannot determine not only the highest goal, but also specific historical tasks. It cannot develop just and effective state decrees. Due to the modern westernization process in Russia, the priority of material culture focused on material enrichment, success, and prestige in society was established at the official level. This led to the loss of culture's true role and national characteristics. By proclaiming a quantitative criterion, modern culture has separated people, ceased to fulfill a unifying mission in society, the state, and to serve the quality of national life. Repressed at the official level, Russian culture is preserved in various spheres of the national consciousness and the unconscious. The task of reviving, preserving and exalting Russia requires a real restructuring of the Russian state in accordance with the principles of its own political and legal culture. The search for the solution to this problem encourages an in-depth analysis, second thought and new interpretation of the established understanding and role of culture in the structure and life of a state-organized society developed by Russian thinkers.

Keywords: existing; due; society; people; nation; state; state ideal; culture; state-building; supreme power; executive power; correlation of supreme and executive power; idea of rank.

Cite as: Demchenko TI. Rossiyskaya politiko-pravovaya mysl o kulture gosudarstvennogo stroitelstva [Russian Political and Legal Thought on the Culture of State Building]. *Lex russica*. 2020;73(11):81-105. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.168.11.081-105. (In Russ., abstract in Eng.).

Проблема культуры¹ имеет цивилизационный и исторический аспекты. Культура является определяющим фактором цивилизации. Она всегда современна², а понятие современности — открытый вопрос, ответ на который никогда не будет окончательным. О современности культуры можно говорить в связи с постоянно решаемыми теоретическими проблемами возникновения, развития, выявления историче-

ского значения культуры в жизнедеятельности человеческого общества, раскрытия понятия³.

О современности культуры можно говорить в связи с характеристикой уровня ее развития и качественного состояния, степенью влияния в конкретно-исторических условиях на достижения общества в духовной⁴ и материальной сферах, на государственно-правовую, всю общественную жизнь. Сегодня актуальны оба

¹ Считается, что термин «культура» латинского происхождения (лат. cultura означает образование, воспитание), что впервые его употребил Цицерон в работе «Тускуланские беседы» в 45 г. до н.э. В России, по мнению И. А. Иванникова, он появляется в «Карманном словаре иностранных слов» Н. Кириллова в 1846 г. и означает деятельность, направленную на пробуждение человеческих сил. В. Даль наделял его смыслом умственного и нравственного образования (см.: Иванников И. А. Концепция правовой культуры // Правоведение. 1998. № 3. С. 12).

² В эпоху Возрождения, которая была движением против духовного деспотизма церкви и дала понятие буржуазного гуманизма, термин «культура» использовался для определения степени соответствия человека гуманистическому идеалу. Этот идеал был представлен культом разума, науки, прогресса, породившим идеи свободной личности, ее прав, индивидуализма, эгоизма, меркантилизма. Буржуазный, или либеральный, гуманизм и соответствующая ему культура имеют в основном светское, естественно-научное, антропологическое обоснование и признание человека венцом мироздания. М. С. Каган полагает, что в связи с появившейся в XVIII в. потребностью в интегративном определении того, что и как делает человек и как это на нем отражается, в философский обиход вошло понятие «культура» (см.: Каган М. С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 45).

³ Культура рассматривается как емкое понятие, в котором отражаются особенности душевно-духовного склада, мировосприятия народа, его характера, образа жизни. Она рассматривается через многочисленные проявления человеческой деятельности, выражающиеся в продуктах духовного и материального труда, в формах мышления, сознания, речи, письма, в системе социальных отношений и норм, в отношении людей к природе. Иногда в ней акцентируется внимание на освоении опыта человеческой истории (см., например: Злобин Н. С. Проблемы теории культуры. М., 1977. С. 35).

⁴ Считается, что этими качествами была представлена религиозная культура христианства и буддизма. Но если разделить слово «культура» на составляющие, позволительно предположить более древнее происхождение культуры, истоки которой находятся в ведическом знании. Согласно этому знанию

аспекта — и цивилизационный, и исторический.

Современный этап исторического развития характеризуется существенными изменениями в соотношении материальной и духовной сфер. Огромные достижения в материальной сфере, которые приобрели первостепенную значимость в жизни человеческого общества, и катастрофическое падение духовности. Это результат господства западного мировоззрения, культуры, юридического мировоззрения, которые сформировались под влиянием католического Рима, одностороннего взгляда на мир и считаются делом ума и воли. В соответствии с рациональным взглядом, главной целью объявляется успех, достижение которого предполагает использование любых средств⁵.

Производные от такой культуры политика, хозяйственная деятельность, деловые общения, основанные на соперничестве, конкуренции, жесткие и суровые. Т. Гоббс (1588–1679) еще в 1651 г. в труде «Левиафан» сформулировал закон социальной жизни западного общества, сказав: «Человек человеку — волк».

В экономической сфере ориентация западной культуры, навязанной нам, не столько на производство (названное в России «реальным сектором»), сколько на кредитно-финансовую систему, занимающуюся валютными спекуляциями, ведет, по мнению А. В. Птушенко, к краху экономической цивилизации⁶.

В условиях этой культуры, названной отечественными мыслителями холодной, бессердечной, больной, рождается формальное, часто агрессивное отношение к людям, народам, государствам, к самой жизни, которая деформируется и во многих случаях уничтожается.

В политико-правовой сфере акцент на вопросах государства, права, демократии, свободы, законности, на формальной стороне, на частных интересах привел их к отдалению от

смысла, нравственности, истинной справедливости. Он привел современную систему внешнеполитических отношений к открытому противостоянию, агрессии, которые свидетельствуют о кризисе западной политической системы.

Ориентация современного мира на западную юридическую культуру, основанную на временном, преходящем, несовершенном, отражающем интересы олигархических кругов, законодательстве и соответствующее юридическое сознание, принизила и обесценила правовое сознание, определила кризис юридической культуры.

И эта, не являющаяся универсальной, меркантильная культура, ориентированная на полезность и практическую значимость, на безнравственное отношение к человеку, на хищническую эксплуатацию природы под видом общечеловеческих ценностей навязывается нам и воспринимается либеральной частью общества как образец. В соответствии с этой культурой, с чуждыми взглядами, принципами, нацеливающими на индивидуализм, материальное обогащение, успешность, в постсоветской России сконструирована политическая, экономическая, юридическая, культурная реальность. Приоритетное внимание к частной собственности, индивидуальной свободе привели к рыночной экономике, определили либерализацию государственной власти, устройство и деятельность государства. Либерализация, формализм, усугубляющиеся явлением постмодернизма, активизировавшим сциентистские⁷, рационалистические тенденции в отечественной науке, ориентированной в основном на эмпирические знания, определили ее односторонность, фрагментарность, неистинность.

Негативные последствия чуждых влияний⁸ предвидели отечественные мыслители. В частности, Н. А. Бердяев (1874–1948) писал: рационалистическая и эмпирическая философия,

«ура» означает свет, «культ» — образ, идеал. Это позволяет говорить, что смысл культуры заключается в освещении идеалом, в возделывании человека в соответствии со светлым идеалом.

⁵ См.: Ильин И. А. Путь к очевидности // Собр. соч. : в 10 т. М., 1994. Т. 3. С. 391–393.

⁶ Птушенко А. В. XXI век: парадигма выживания // Наука и религия. 2009. № 12. С. 3.

⁷ От лат. scientia — знание. Концепция, заключающаяся в абсолютизации роли науки и основанной на ней системе культурных ценностей.

⁸ По мнению П. Флоренского (1883–1937), влияние западных идей происходит с XVI в., когда мы перестали воспринимать культуру как свою собственную жизнь (см.: Флоренский П. А. У водоразделов мысли. М., 1990. Т. 2. С. 345–346). В. О. Ключевский (1841–1911) считал, что это влияние становится капитальным вопросом нашей жизни с конца XVII в. (см.: Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 17). История свидетельствует о том, что оно началось значительно раньше и что с разной степенью заимствования происходило на протяжении всей российской истории.

материализм и демократизм, парламентаризм и конституционализм, юридический формализм — все это порождение индивидуалистического духа, гуманистической морали, которые отживают и теряют прежнее значение⁹.

Заимствование чужих идеалов, образа жизни Ю. Крижанич (1618–1683) назвал чужебием. Норманизацию русской истории представители отечественной историографии в 30–40-х гг. XIX в. определили «скандинавоманией». С. А. Гедеонов (1816–1878) назвал это ультраскандинавским взглядом. Н. Я. Данилевский (1822–1885) ориентацию на Запад назвал европейничаньем. И. А. Ильин (1883–1954) — верхоглядством и политическим доктринерством. И. Л. Солоневич (1891–1953) с ней связал катастрофу.

Рассуждая о степени, пределах влияния¹⁰ и заимствования, В. О. Ключевский писал, что прежде чем заимствовать, надо хорошо изучить наличный запас сил и средств, накопленных обществом, оценить исторический опыт, нравы, привычки, в нем воспитанные, пережитые чувства¹¹.

Реформы 1990-х гг. произведены в условиях очередного этапа влияния и заимствования западных идей без учета бытийных и исторических особенностей народа и не в его интересах. Они привели к вытеснению духовно-нравственных основ, национальных элементов на официальном уровне современного российского правосознания, к смене культурных ориентиров, определили криминализацию жизни, затронувшую все сферы и уровни государственной структуры. Они привели к принижению роли государства, к утрате им значения важнейшей формы национального бытия, к изменению сущности национальной политики, часто игнорирующей интересы своего народа, к абсолютизации позитивного права.

Это право сегодня действует в угоду определенной части населения, для которой утверждается философия успеха, престижа, богатства. Народу, пытающемуся приспособиться к чуждым либеральным ценностям, остается осваивать искусство выживания¹². В абсолютизации формального права Г. В. Мальцев (1935–2013) увидел неустойчивость¹³. В. Н. Синюков назвал ее самым большим гуманитарным заблуждением уходящего века¹⁴.

Утверждающиеся тенденции ухода от собственного национального бытия, своей культуры, пренебрежительное отношение к народу сформировали у него негативное отношение к этим реформам, к созданной системе государственного управления и к тем, кто это осуществлял. Они вызвали у народа неуверенность в завтрашнем дне, состояние безысходности. Они определили восприятие государства, страны значительной частью населения даже не как место для проживания — более 50 % хотели бы уехать из страны. И уж тем более не как Отечество, Родина, которой надо служить.

Уместно обратиться к характеристике хорошего государственного управления, данной Конфуцием, который писал: хорошим государственным управлением следует считать такое, когда тот, кто живет рядом, — радуется, а тот, кто живет далеко, — спешит приехать¹⁵.

В этих перестроечных условиях современная культура сделалась безнравственной, утилитарной, специализированной. Она перестала выполнять важнейшую, сосредоточивающую, созидательную роль в обществе, перестала соединять людей в одно целое, народ¹⁶, служить его качеству, способствовать духовно-нравственному возвращению человека. Декларируя количественный критерий, вместе с государством, воспринявшим его, стала разъединяющим фактором.

⁹ Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1918. С. 14–15.

¹⁰ Имели место различные влияния — скандинавское, римское, польское, голландское, немецкое, шведское, английское, французское и др.

¹¹ Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. М., 1956. Т. 1 : Курс русской истории. Ч. 1. С. 44.

¹² См.: Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Манастырный А. В., Тюрин М. Е. Юридические архетипы в правовой политике России. Ростов н/Д, 2009. С. 37.

¹³ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 121–122.

¹⁴ Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 12–13, 20 ; Он же. Россия в XXI веке: пути правового развития // Ежегодник российского права. 2000. М., 2001. С. 13.

¹⁵ См.: Классическое конфуцианство. Том первый. Конфуций. Лунь Юй. СПб., М., 2000. С. 164.

¹⁶ П. И. Пестель (1793–1826) считал, что все различные племена и народы, населяющие Россию, должны составлять один русский народ. С этим он связывал Единородство, Единообразие и Единомыслие.

Антинародные реформы и их негативные последствия, выразившиеся в утрате духовности, нравственности, смысла, цели, собственной культуры привели к деградации общества, поставили под вопрос, как говорили отечественные мыслители, жизнеспособность российского общества и государства¹⁷.

Они могут привести к уничтожению государственно-правового бытия, о чем неоднократно предупреждали отечественные мыслители. России следует помнить, писал И. А. Ильин, что она всегда ослабевала и распадалась, как только ослабевал дух, падала нравственность, возникал произвол и она прилеплялась к беспредметным и противопредметным содержаниям¹⁸.

Такое состояние, в котором неоднократно пребывало российское общество, вызывало тоску по идеалу, по большим делам, по цели, ради которой стоит жить. Целеполагание, говорил Е. Н. Трубецкой, есть особенность жизни человеческого общества. Оно является первоначальным источником исторического развития: предшествует истории и обуславливает ее. Оно побуждает движение сознания от несправедливости, утилитарного сущего к безусловной мысли о должном, к правде¹⁹.

Задачи национального возрождения, сохранения и возвеличивания России требуют настоящей перестройки, строительства российского государства и управленческой деятельности в соответствии с интересами своего народа²⁰ и принципами собственной политико-правовой культуры.

Рассмотрение того, что должно быть²¹, предполагает обращение не к работам современников, которые в основном служат обоснованию либерального устройства государства, а к отечественной мудрости. В ней, говорил Ф. В. Тарановский, мы находим ответы на самые животрепещущие вопросы современности, как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Там обнаруживаем мы следы нашей культурной самобытности²².

В связи с этим вопросы понимания смысла, ценности и роли культуры вообще и правовой и юридической культуры в частности, особенно применительно к носителям государственной власти, к лицам, участвующим в строительстве государства, его деятельности, приобретают особую теоретическую и практическую значимость.

Это побуждает к углубленному анализу, новому прочтению и переосмыслению того, что выработано отечественными мыслителями относительно понимания и роли культуры в государственном строительстве²³. При этом бесполезны напоминания о том, что понимание культуры славяно-русского, русско-российского государственного строения невозможно без выхода научной мысли за пределы юридических понятий²⁴.

Отечественные мыслители постоянно осуществляли такой выход, вырабатывали собственные идеи, формулировали государственный идеал, выстраивали систему культурных ценностей, отсутствие которых сегодня, говорит

¹⁷ В начале XX в. С. Н. Булгаков писал: «Революция поставила под вопрос самую жизнеспособность русской гражданственности и государственности» (Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. М., 1992. С. 107).

¹⁸ Ильин И. А. Наши задачи. М., 1993. Т. 2. Кн. I. С. 424–427.

¹⁹ Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Избранные произведения. Ростов н/Д, 1998. С. 65 ; Он же. Энциклопедия права. СПб., 1999. С. 58.

²⁰ См.: Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. С. 10.

²¹ Сегодня, в условиях недостатка правовой культуры, мысль вновь обращается к тому, что должно быть (см., например: Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. СПб., 2003).

²² Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. СПб., 2001. С. 538.

²³ Обращение к политико-правовой мысли представляется необходимым и потому, что многие исторические данные, особенно касающиеся вопросов управления державой, как говорят сами историки, утеряны, преданы забвению, в соответствии с политическими и идеологическими установками грубо искажены (см.: Предисловие А. Ф. Смирнова «Слово о державе и самодержцах российских» // Пресняков А. Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 4).

²⁴ Так ставился вопрос представителем советской юридической науки применительно к праву О. Э. Лейстом (см.: Общая теория государства и права. Академический курс : в 2 т. М., 1998. Т. 2 : Теория права. С. 30). Эта постановка необходима применительно ко всем государственно-правовым явлениям.

О. В. Мартышин, негативно сказывается на юридической науке и практике²⁵.

Решение теоретических задач национального возрождения требует обращения к тем специфическим идеям, понятиям отечественных мыслителей, которые отражают:

- возникновение, понимание культуры в православном, славяно-русском, русско-российском обществе;
- необходимость государства, верховной, исполнительной власти, их качественные характеристики;
- понимание, назначение верховной и исполнительной власти, их соотношение.

Понимание этих вопросов вырабатывалось представителями религиозно-философского, научного знания, правителями. Оно складывалось на основе чувственного и сверхчувственного восприятия, анализа эмпирического материала и теоретических обобщений, зафиксированных в мифах, сказаниях, обычаях, традициях, ритуалах. Вместе с тем для них была характерна определенная дистанцированность от конкретных проявлений реальной жизни, от субъективных представлений и суждений отдельных личностей²⁶. Гегель (1770–1831) объясняет это необходимостью восприятия объективных свойств без субъективных своекорыстных интересов²⁷.

Здесь обнаруживается некоторая парадоксальность, состоящая в том, что с достижением объективности, т.е. безличности, большое значение приобретает вопрос о личности. На это обратил внимание Ф. Ницше (1844–1900), который с определением строго личного поведения связывал вопрос о происхождении моральности²⁸.

В сочетании объективного и субъективно-нравственного, материального и духовного в их сосредоточении отечественным мыслителям виделась особенность русской жизни, культуры и исторической мысли²⁹.

Согласно логике отечественных мыслителей, сосредоточения требует сама жизнь, необходимость ее продолжения и сохранения. К сосредоточению ведет сила инстинктивного тяготения, которая естественно, без предварительного соглашения соединяет людей в различные социальные общности. Эта сила имеет различные основания. Физиологическое, имеющее целью продолжение рода. Духовно-нравственное, культурное, которые объединяют людей в особенностях восприятия окружающего мира, в творческой деятельности, обеспечивающей жизнь, в чувствовании, мышлении, вере, в нравственном, умственном развитии и совершенствовании их. Экономическое, объединяющее людей в производстве и распределении материальных благ. Идеологическое, основанное на идеале, в котором заложен смысл жизнедеятельности общества, цель, задачи, принципы его государственно-правового устройства.

Определяя естественную потребность людей к совместному жительству в качестве начала социализации, Л. А. Тихомиров (1852–1923) говорил, что объединение происходит в процессе кооперации нервных центров, чувств, представлений, желаний, интересов, воли, духовного инстинкта и тяготения.

С сосредоточением народных сил связано собирание земли Русской. В умственном, душевно-духовном, сосредоточении чувств, мыслей, воли, силы отечественные мыслители видели главное условие, признак и сущность культуры (Н. Н. Алексеев, Н. Я. Данилевский, И. А. Ильин, К. Н. Леонтьев, Е. Н. Трубецкой, А. С. Хомяков и др.).

О сосредоточении личности писал В. С. Соловьев (1853–1900), о средоточии воли — И. А. Ильин. А. С. Хомяков (1804–1860) называл Москву центром общественного сосредоточения и единой державы. Анализируя картину А. А. Иванова «Явление Христа народу», он говорил о сосредоточении всех сил, всей жизни

²⁵ Мартышин О. В. Теория государства и права в постсоветское десятилетие. Некоторые итоги // Право и политика. 2000. № 7.

²⁶ Основы иной позиции заложены софистами. В частности, Протагор, применив принцип относительности в отношении человека к окружающему миру, признал человека мерою всех вещей, отнес все к субъективному представлению и суждению отдельных личностей. Субъективные суждения у софистов, писал Н. М. Коркунов, выведены из подчинения какому-либо объективному началу (см.: Коркунов Н. М. История философии права. Пособие к лекциям. Издание третье. СПб., 1903. С. 10–12).

²⁷ Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 63.

²⁸ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Сочинения : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 288–289.

²⁹ Эту особенность применительно к исторической мысли подчеркивает А. Ф. Смирнов в предисловии «Слово о державе и самодержцах российских» (Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 3–12).

художника на одном творении, результатом которого явилось гениальное произведение. О сосредоточении власти писали К. П. Победоносцев (1827–1907), Б. Н. Чичерин (1828–1904) и др.

В сосредоточении виделось воплощение интенсивности, аккумуляция всех жизненных сил народа, условие его культурного единства. В экстенсивности заключается бескультурность, утверждал И. А. Ильин, выражающаяся в рассеянии, в рассредоточенности, которые нарушают целостность жизни, ведут к распаду ее органичности³⁰.

В условиях рассредоточенности, когда личность во всей ее случайности и свобода во всей ее необузданности представлены сами себе, в жизни господствуют неожиданности и непредсказуемости. В этих условиях жизнь становится невозможной, писал Л. А. Тихомиров. К. Н. Леонтьев (1831–1891) сокрушался по поводу того, что эгалитарно-либеральный прогресс сосредоточенную Россию превращает в хаотически разлагающееся общество.

Из сложного процесса сосредоточения жизненных сил людей, кооперации духовных, психологических, нравственных, экономических, исторических, политических, иных особенностей народно-национальной жизни вырастала славяно-русская культура, в том числе культура государственного строительства, обладающая своим, только ей присущим характеристическим типом. Славяно-русская культура рассматривалась как объединительное, организующее начало, обеспечивающее единство, целостность, качественность внутренней, душевно-духовной и внешней, социальной, в том числе государственно-правовой жизни, ее политической независимости. Этот подход основан на отрицании единой мировой культуры, на признании различных культурно-исторических типов в качестве закономерности социального бытия. Из него вытекает необходимость сохранения культурных принципов своей самобытности, невозможность переноса одного культурно-исторического типа народа к другому (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, И. Л. Солоневич, Н. С. Трубецкой и др.). С ними же связа-

но утверждение о наследственной передаче культурных ценностей, созданных предшествующими поколениями, в которой виделось продолжение социальной жизни, сохранение ее национальных особенностей³¹.

Сосредоточение вышеуказанных факторов в единстве трех измерений — культуры прошлого, настоящего и будущего, воспринимаемого как грядущее настоящее, способствует выработке твердых убеждений народа, которые изнутри задают объем, содержание и качественную специфику культуры, обеспечивают ее устойчивость, определяют характер и пределы любых изменений и заимствований.

Понимание культуры государственного строительства вырабатывалось отечественными мыслителями на протяжении всей российской истории, складывалось из многочисленных идей, понятий, теоретических конструкций. Оно связывалось с религиозно-нравственным мировоззрением, истоки которого в глубокой ведическо-языческой древности, развитие — в православном христианстве³². Мировоззрение формировалось в процессе образного, мифологического, интуитивного, логического постижения Бога, его заповедей, законов мироздания, природы, на которые человек ориентировался в устройстве социальной жизни. Такое мировоззрение служило основой восприятия бытия не столько в изменчивом времени, сколько в вечности божьего творения. С таким восприятием окружающего мира связано формирование идей всеединства, целостности, справедливости, праведности. Эти идеи легли в основу формирования культурного идеала, определившего социальное объединение, создание и особенности государственно-правового устройства Руси-России и ее назначение в мире.

Смысл социального объединения — в создании, сохранении целостности, в обеспечении в нем жизнедеятельности людей, в исключении неожиданностей путем координации, установления общего, приспособленного ко всем отношениям порядка и подчинения ему индивидуального поведения. Социальное объединение приводит к образованию этносов, народностей, наций. Совокупность людей, связанных общно-

³⁰ Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собр. соч. : в 10 т. М., 1993. Т. 1. С. 302 ; Он же. Наши задачи. Т. 2. Кн. I. С. 304 ; Он же. Путь к очевидности. С. 383–386.

³¹ См.: Тарановский Ф. В. Указ. соч. С. 51, 381–385.

³² В. О. Ключевский считал, что в народной среде отсутствовали противоречия между ними, что они не отрицали, но восполняли друг друга (см.: Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1993. Кн. 1. С. 271).

стью происхождения, биологического родства, психического склада, языка, составляет этнос. Этнос может входить в разные государства. Превращаясь в процессе выработки общего уклада духовной и материальной жизни в культурную общность, в народ, развиваясь до политического единства — нации, приобретая политический акцент, этнос может образовывать одно государство³³.

Народ характеризуется своей неповторимой природой, душой, духовностью, историей, образом жизни, особенностью языка³⁴, восприятия окружающего мира и человека в нем. Своеобразие славяно-русского народа в духовном³⁵ предстоянии перед Богом. Он искренен, добр, честен, совестлив. Этот народ живет прежде всего сердцем и воображением, потом умом и волей. Он уважает самого себя, способен уважать других людей, желать духовного совершенствования.

И. А. Ильин говорил, что русский народ представляет собой ценность не только как этнографический или исторический материал. Его ценность в особенностях формирования и осуществления народной жизни, которые связываются с инстинктом и духом, с дарованной от Бога и от природы силы. Его значение в облада-

нии и проявлении творческих сил замиренных, присоединенных народов, их культур.

Специфические условия Русской земли, духовно-нравственная, психологическая, историческая, культурная сосредоточенность, державная данность, писал И. А. Ильин, собирали различные этнографические смешения, народности в единый народ, получивший выражение своего инстинкта, психологического тяготения, своей культуры в единой нации, являющейся основой государственного единства³⁶.

Именно нация, с ее национальной идеей, а не «договор космополитических общечеловеков» и не классовые или групповые интересы, говорил С. Н. Булгаков, выполняет основную государственностроительную функцию. С нацией связана характеристика народа в политическом аспекте, его принадлежность к данному, конкретному государству. При этом подчинение народа власти называется подданством, участие его во власти — гражданством³⁷.

Мыслители говорили об особой роли русского народа в собирании земель и народов, в духовно-нравственном и культурном сосредоточении, в становлении национального единства, в формировании национальной особенности³⁸, о его государственном инстинкте, государ-

³³ Этот путь четко прослеживается у В. О. Ключевского (см.: *Ключевский В. О.* Русская история. Особ. стр. 78, 88, 259, 260, 271–280, 335, 337, 344, 570, 571).

³⁴ Под воздействием немецкого, французского, английского языков, продуктов технизации русский язык претерпел существенные изменения, которые грозят его национальному существованию.

³⁵ Духовность связана со способностью человека, народа сознавать то, что есть нечто большее, чем он сам, чувствовать значимость этого большего — общества, государства, Бога. Она предполагает ответственность перед ними и необходимость служения им. Н. Н. Алексеев писал, что духовная жизнь есть полнота общения со святым и ценным (*Алексеев Н. Н.* Основы философии права. СПб., 1999. С. 207, 212).

³⁶ *Ильин И. А.* Путь духовного обновления. М., 1993. Т. 1. С. 171–175, 187, 190, 213–215 ; *Он же.* Основы христианской культуры. С. 323–328 ; *Он же.* Наши задачи. Т. 2. Кн. I. С. 48, 62–64, 314 ; *Он же.* Путь к очевидности. С. 384, 400–402.

См. также: *Бердяев Н. А.* Судьба России. С. 97 ; *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество. С. 176–178, 180–184, 187–189, 191–192, 195–197 ; *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 183–184 ; *Соловьев Вл.* Смысл любви : избранные произведения. М., 1991. С. 43 ; *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины : сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 235, 248 ; *Гулыга А. В.* Творцы русской идеи. М., 2006. С. 53.

³⁷ См.: *Тарановский Ф. В.* Указ. соч. С. 376.

³⁸ Национальные особенности существенно проявляются в одном каком-то результате, писал Н. Я. Данилевский. Еврейская цивилизация, говорит он, дала религиозную идею единого Бога. Греки особенно проявили себя в художественном творчестве и философском мышлении, выработали идею прекрасного. Римляне основали военную империю из завоеванного ими мира, создали политическую организацию государства и дали гражданское право. Существенным результатом германо-романской цивилизации явилось развитие положительной науки о природе (см.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб., 1995. С. 104, 107, 112, 132, 134, 135 и др.).

ственности, державности (Д. И. Иловайский, И. А. Ильин, П. И. Ковалевский, Л. А. Тихомиров, и др.). Л. А. Тихомиров считал, что из всех славянских племен только русские обладают государственным, державным инстинктом³⁹. По мнению этих авторов, державность русского народа, органичность, преемственность жизни — от поколения к поколению, национальный консерватизм нации, которая, наряду с внешними изменениями, сохраняет основы своей жизни⁴⁰, явились созидательным фактором национального, государственного единства.

По божеским и человеческим правам, утверждал П. И. Ковалевский (1850–1931), русский народ должен иметь положение первого среди равных и свободных народностей, соединенных общей государственностью, общим домом. Он должен остаться державным в русском государстве, и русской нации надлежит держать в государстве власть⁴¹. Поэтому, вероятно, С. Н. Булгаков (1871–1944) был убежден в том, что русскому нельзя переродиться в представителя другой нации, в иностранца⁴².

В нации, в национальной культуре, национальном чувстве принадлежности к ней, в национальном самосознании⁴³ сосредоточены притязания народа на свое духовное достоинство, на особенность возникновения и государственного строения, на независимость национально-государственного бытия. В ее языковом, духовном, психическом, культурном единстве — основа государственного единства, «самостояния» государства, государственной правоты.

Процессы сосредоточения, единения людей в нации, развития и сохранения ее целостности в государстве как высшем союзе, построенном не на частном или групповом, а на общем ин-

тересе, сопровождаются поиском высшей силы, обеспечивающей координацию, направленность действий индивидов и их объединений⁴⁴.

Такой силой является политическая государственная власть, возникшая из сосредоточения многообразных социальных явлений. Она отличается от неполитической, частной власти и характеризуется двумя основными признаками. К ним относятся ее верховный или державный и публичный характер. Верховный, державный характер политической власти проистекает из искания идеала, которому как высшему началу можно подчиняться. Л. А. Тихомиров сказал о ней как о высшей силе духовного тяготения⁴⁵. Эта власть есть проявление социального идеала, нравственного по существу, в котором заложен смысл государственно-организованной жизни. Эта власть сосредоточена, основана на одном принципе, она едина, неделима.

Закон бытия (существования многообразия в единстве), логика русской жизни, мировоззрения и политической мысли определяют вывод-требование, обращенное к устройству государства: единая нация — единая государственная власть, единое, целостное государство, обеспеченное государственным суверенитетом. Этому требованию не соответствуют положения, закрепленные в преамбуле и в первой главе Конституции РФ 1993 г., определяющей основы конституционного строя.

Публичный характер этой власти означает, что она открыта, относится к обществу как целому, а не к части его, к общественным, а не частным интересам, что ее назначением является служение обществу, определенная жертвенность. В этой характеристике содержатся нравственные черты, и это означает, что верховная власть в государстве имеет не только юриди-

Русская нация дала мировой культуре особый вид мировоззрения, основанного на целостном мировосприятии духовного и материального. Она дала идеи православия, правды, соборности, самодержавия, Русской идеи.

³⁹ Тихомиров Л. А. Критика демократии. М., 1997. С. 75.

⁴⁰ См., например: Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 623, 624.

⁴¹ Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1912. С. 139–140.

⁴² Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. С. 179, 188, 189, 209.

⁴³ Самосознание рассматривается в нескольких измерениях. Называется эмпирический аспект, связанный с национальным опытом, с принятием своего мирозерцания, языка, истории, государства; инстинктивный; духовный (см., например: Зеньковский В. В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М., 1996. С. 47–49; Ильин И. А. Путь духовного обновления. С. 171–175, 187).

⁴⁴ См.: Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 14–21, 30.

⁴⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 10–12, 16–21. См. также: Тарановский Ф. В. Указ. соч. С. 66.

ческое основание и содержание⁴⁶. Верховная власть рассматривается как *духовная, правовая и нравственная* сила. Нравственную силу этой власти характеризуют честь, совесть, добро, благо⁴⁷. Эта сила обеспечивает определенное равновесие в движении инстинкта, любви, продолжения рода, борьбе за самосохранение, она служит сохранению жизни и достижению благополучия. В этом смысл нравственного идеала в социальной жизни.

Относительно духовной силы Н. Н. Алексеев считал глубочайшим заблуждением думать, что духовная жизнь покрывается способностью рассуждения, разума. Духовная сила верховной власти выводится из ее ориентации на абсолютную истину, на святое, возвышенное, ценное и заключается в полноте общения с ними. Духовную силу власти придает сопряженность с высшими идеями, к которым относятся идеи православия, правды-права, справедливости.

Ориентацию на высшие идеи мы наблюдаем у многих отечественных мыслителей. У Илариона, например, на идеи благодати, государства правды, закона правды, праведного правления. На идею Святой Руси, несокрушимости и исторической роли носителя идеала православного христианского государства у Филофея. На идею, оформленную в теорию православного христианского самодержавия, у Ивана IV (1548–1574, 1576–1584)⁴⁸. Это получило концентрированное выражение в Русской идее, начала которой и своеобразные черты П. Флоренский связывает с именем Преподобного Сергия⁴⁹.

С высшими идеями, отражающими святое, абсолютную истину, трансформированными в космическую, природную закономерность, определяющую социальные, в том числе правовые, законы, связано определение правовой силы. Здесь идеи справедливости-правды, правды-права, с одной стороны, являются выражением ценностей как бы второго порядка. В их основе космический, природный критерий соразмерности, меры, приобретающий характер социальной ценности, с которой связывали справедливое государственно-правовое устройство многие зарубежные и отечественные мыслители. С другой стороны, эти идеи, отражаю-

щие ценности и их иерархию, служат основой формирования национального культурного кода, государственного идеала, признание и ориентация на который определяет силу, качество верховной власти и всей государственно-властной деятельности.

Названные аспекты относятся к сущностной, философской и теоретической характеристике верховной власти, специфическим выражением которой у Руси-России признано самодержавие.

Практический аспект силы-власти, которая, чтобы стать верховной властью, т.е. выше всех социальных властей с их групповыми, специальными интересами и местными нормами должна быть способна создавать и поддерживать порядок, который, по мнению Л. А. Тихомирова, является первой потребностью человека в общественном состоянии и выражается во власти-подчинении. Для создания реального порядка и обеспечения жизнедеятельности общества верховная власть должна создавать государство и исполнительную (управительную) власть.

Государство, созданное верховной, публичной властью, носителем культурного кода и государственного идеала, по своему существу есть организация публично-правовая (а не частноправовая), властно-повелительная, обязательно-принудительная, призванная служить своему народу. Государство не может ориентироваться на индивидуальные проявления эгоистических интересов, оно должно подчинять их государственной воле. Оно призвано выявлять, закреплять в общеобязательных нормах в качестве государственной воли общенародные, национальные интересы и обеспечивать их осуществление.

Все, что несет печать «публичности», утверждал Н. Н. Алексеев (1879–1964), обозначает принадлежность к общественному целому. Поэтому все публичные отношения есть отношения, построенные не на служении частным интересам, а на «социальном служении»⁵⁰. Поэтому власть и государство, говорил С. Н. Булгаков, обязаны устранять стихийную власть экономики, эгоистические, меркантильные проявления индивидуальной свободы.

⁴⁶ См.: Алексеев Н. Н. Указ. соч. С. 212–219.

⁴⁷ См.: Слово о законе и благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2004. Т. 1 : XI–XII века. С. 53 ; Поучение Владимира Мономаха // Там же. С. 459, 461, 463, 471.

⁴⁸ См.: Алексеев Н. Н. Указ. соч. С. 200–212.

⁴⁹ Флоренский П. Оправдание космоса. СПб., 1994. С. 175.

⁵⁰ Алексеев Н. Н. Указ. соч. С. 216.

Российские реформаторы превзошли самые фантастические представления марксистов о капитализме, пишет Н. И. Матузов, приводя слова ведущего советника реформаторов по поводу нашей «дикий приватизации» Джеффри Сакса. Они сочли, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в свои карманы как можно больше денег. Не плохо сказано, пишет Н. И. Матузов. Жаль только, что Д. Сакс умалчивает о своей собственной роли в создании такой ситуации⁵¹.

Служение начинается с установления общего правопорядка. Оно связано с выработкой государственного правосознания, единой государственной идеологии, стратегии развития, государственной политики, государственного законодательства. Все это необходимо для обеспечения целостности социального организма, национальных интересов, как основы всей государственно-правовой жизни.

Обеспечению целостности служит нравственность, которой принадлежит главенствующая роль среди материальных и интеллектуальных ценностей в человеческой жизни, говорил Ф. В. Тарановский. Проистекающая из высших критериев, нравственность является социальным ориентиром государственно-властной деятельности и конкретных поступков людей⁵².

В представлении С. Н. Булгакова, нравственность необходима для освобождения, с одной стороны, от нищеты, с другой — от свободно-го обладания богатством. Богатство создает только стены для цивилизации, в пределах которых может быть одинаково устроен и светлый храм духа, и блудилище. Поэтому, считал С. Н. Булгаков, государство должно подвергать эгоистические меркантильные проявления индивидуальной свободы нравственной оценке и предохранять от впадения в грубый материализм. Оно должно обеспечивать правильное соотношение между духовными и материальными потребностями, должно способствовать удовлетворению материальных потребностей в той мере, в какой это требует жизнь духа и человеческое достоинство⁵³. Это позволяет признать, говорил Н. Н. Алексеев, что и государ-

ственная власть, и государство имеют не только политико-юридический, но и нравственный аспект⁵⁴.

Этот вывод явился результатом обобщения политико-правовых взглядов на возникновение, устройство славяно-русского государства, на его идеал, основу которого составили идеи правды, православия, державности, справедливости, ответственности. В государственном идеале отечественные мыслители видели мерило не просто совместной, но духовно-нравственной, праведной жизни⁵⁵. Он освящал формирование власти, государства, их действия, всю внутреннюю систему власти-подчинения. В нем содержалась и мера взаимодействия народов, из которой следует, что безмерное замешательство и влияние — опасны и губительны (И. А. Ильин).

В идеях правды, православия, державности, справедливости, понимавшихся как отражение божественной истины, проявленных законов мироздания, как человеческое выражение совершенного бытия, виделся смысл и высший качественный критерий человеческой жизни, всеобщего порядка и социальной справедливости. Идея православия была названа евразийцами «идеей-правительницей».

Наделение славяно-русского государства духовно-нравственными качествами позволяло рассматривать его как высшую, историческую форму объединения людей в целое, в котором сосредоточение национальных интересов, национальной культуры получает существенное выражение. Форму, в которой заложена возможность дальнейшего нравственного совершенствования и духовного возрастания.

Государственный идеал с духовно освященной идеей православной правды в разных сочетаниях рациональных и иррациональных моментов был у Руси-России практически на всех этапах ее исторического развития. Под его воздействием формировалась и передавалась последующим поколениям культура государственного строения и управления, система «идеалаправства», как говорил Н. С. Трубецкой (1890–1938)⁵⁶, проявляющегося в служении.

⁵¹ См.: Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 340.

⁵² Тарановский Ф. В. Указ. соч. С. 51–54.

⁵³ Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. С. 295, 370, 371, 373, 375.

⁵⁴ Алексеев Н. Н. Указ. соч. С. 212–219.

⁵⁵ См.: Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 21–22.

⁵⁶ Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства // Евразийская хроника. Вып. 2. 1925. С. 38.

Согласно официальному направлению, основы государственного идеала заложены в киевский период. Иларион (XI в.) его выразил в «государстве правды», «праведном правлении», в идеальном образе верховного правителя-самодержца своей земли, который «облечен... правдою, перепоясан крепостью, обут истиной, венчан добромыслием, украшен милосердием». И который должен справедливостью, твердостью и мудростью пасти свою правоверную землю, управить Богом вверенный народ, быть способным оправдывать с помощью «закона правды» несовершенство людей, не постигших правду-истину⁵⁷.

Система идеала правства получила развитие в других документах киевского периода. В Повести временных лет говорится о значении мудрости, книжного учения, справедливости правителя и государственного правления. Если князь (глава земли) справедлив, то много согрешений прощается той стране. Если же князь злы и лживы, то большое зло насылает Бог на ту страну.

Считалось, что в деле правления не могут участвовать молодые, не обладающие необходимыми знаниями и опытом люди. Древняя мудрость гласит: «Горе городу тому, в котором князь юн» и у него молодые советники. Таких князей дает Бог за грехи, а старых и мудрых отнимает, как сказал Исайя: «Отнимет Господь у Иерусалима силу и могучего исполина, и храброго мужа, и судью, и пророка, и смиренного старца, и дивного советника, и мудрого художника, и разумного, живущего по закону. И дам им юношу князя, и обидчика им поставлю обладать ими»⁵⁸.

Этот взгляд на государство, характер власти, систему правления и качества правителя

получил развитие у мыслителей московского периода. Максим Грек (1470–1556)⁵⁹ Московское государство представил как всевидимую преславную праведную державу. Филофей (XVI в.) — как православное христианское царство, являющееся средоточием не материальной, а духовной силы, основанной на вере. У Зиновия Отенского (XVI в.) Русское государство — поборник правды, устроитель жизни по правде. У И. С. Пересветова (XVI в.) оно — носитель идеала православного праведного царства. Иван Грозный (XVI в.) представил Русское государство в качестве идеала истинно православного христианского самодержавия. Как говорил Л. А. Тихомиров, используя оценку С. М. Соловьевым Ивана IV, он первый осознал и сформулировал, более глубоко и точно, значение царской власти, составил ее теорию, в которой выражена идея единения царского идеала и народного: «Народ тело, а царь голова»⁶⁰. Автор «Новой повести», характеризовавший период Смутного времени, говорил о Русском государстве как о Великой преславной земле. Ю. Крижанич изобразил идеал Русского государства в качестве совершенного самовладства — самодержавия, назначение которого заключается в обеспечении на основе правды благочестия, справедливости, покоя и изобилия.

Мыслители киевского и московского периодов считали, что в идеале верховная власть и государство имеют божественное, религиозно-нравственное обоснование. При этом великокняжеская власть у них не просто дар Божий. От Всевышнего, Бога — Творца, Прародителя власть является верховной и абсолютной.

Божественный и праведный характер власть приобретает в результате мудрого, сильного, грозного⁶¹, справедливого и ответственного

⁵⁷ См.: Слово о законе и благодати митрополита Илариона. С. 45, 49, 53.

⁵⁸ См.: Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1 : XI–XII века. СПб., 2004. С. 183, 185, 195.

⁵⁹ Максим Грек по происхождению грек. Будучи в Италии, принял католичество, в Греции переменял его на православие, поступил в Афонский монастырь. В 1516 г. с особой миссией отправился в Москву. Придерживался позиции католической реакции против Возрождения, был приверженцем боярской аристократии, противником политики централизации Русского государства. С этих позиций он критиковал стяжательскую церковь, монастырские владения с населенными имениями, считал, что ими должны владеть бояре, а независимая, «нестяжательная» церковь должна руководить политикой царей (см.: Покровский С. А. Из истории русской политической мысли XVI века // Труды. Т. XXII. Ч. II. М., 1971. С. 3–8).

⁶⁰ См.: Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 242–254.

⁶¹ Гроза понималась как крепость, сила и могущество власти, способной «отгрозить» врагам Русской земли в целях сохранения мира (Иларион); как признак надежности власти, способной защитить подданных от внешних врагов и от внутренних нарушителей правды (Д. Заточник) (см.: Памятники древнерусской культуры. Вып. 3. Л., 1932. С. 7, 55). О грозе говорили Максим Грек, И. С. Пересветов, Иван Грозный.

правления, совершения великим князем благих дел⁶², а не занятия им места в иерархии властей. Деятельное и ответственное правление князя, служение его Русской земле⁶³ является основой восприятия верховной власти в форме живой нравственной личности государя и государева дела⁶⁴.

Идея богоустановленности верховной власти становится аксиомой у нестяжателей (Нил Сорский, Вассиан Патрикеев, Максим Грек). В характеристике верховной власти акцент сделан на праведном, нравственном, в том числе «мысленном делании», на приобретении книжного знания, которое ведет правителя к раздумью, критической оценке происходящего и написанного («писаний бо много, но не вся Божественно суть»), учит добру.

С праведным «деланием» связывалось истинное правление. В частности, Максим Грек деятельную правду поставил выше бездейственной веры, которая в его понимании, как и соблюдение религиозной обрядности, не приближают к Богу. Деятельная правда осуществляется с помощью грозы, основанной на авторитете правителя, осуществляемой для исправления подручных⁶⁵.

В понимании Иосифа Волоцкого (1439–1515)⁶⁶, отстаивавшего интересы церкви, дея-

тельность светской верховной власти, происходящей из божественной воли, должна быть подчинена духовной власти и направлена на охрану благочестия в стране, на сохранение самого царства. Ей вменялась обязанность защищать церковь, ее имущество, не посягать на владельческие права монастырей, карать еретиков.

Позже Иван Грозный скажет, что царство, руководимое попами, разоряется и что не подобает священнослужителям братья за дела правления⁶⁷. А Петр I ликвидирует патриаршество и для управления церковью учредит Синод.

Роль деятельного правления централизованной власти, мудрой от Бога и небесного знаменения, И. С. Пересветов рассматривал в аспекте критики бездейственных бояр, которые в условиях централизации, в его представлении, не только бесполезные, но вредные для государства. Он назвал их «ленивыми богатынями», избегающими военной службы, ограничивающими власть царя, мешающими благим начинаниям его и подлинному единству Русской земли⁶⁸. Позже И. А. Ильин, анализируя период Смутного времени, назовет бояр национальными врагами России⁶⁹.

Силу власти И. С. Пересветов связал с грозой, в которой видел средство установления

⁶² Так, Владимир Мономах завещал непрестанно трудиться и совершать добрые дела, утверждая, что и малым делом можно получить милость Божию (см.: Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI–XII века. СПб., 2004. С. 457–465).

⁶³ Великий князь Василий II (1432–1446, 1447–1462) отверг Флорентийскую унию Константинополя с папским престолом (1439), низверг митрополита-униата Исидора, возродил древнюю идею князя — представителя народа перед Богом. Иван III отверг королевский титул, предложенный ему папой в обмен на принятие католичества, заменявшего русскую идею царя-представителя, идею служения на идею царя-короля — властителя над народом (см.: *Шарапов С.* Самодержавие и управление. М., 1907. С. 43; *Савва В.* Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901. С. 104–109).

В русском сознании уже господствовало иное понимание верховной власти, и эти действия великих князей способствовали утверждению русской идеи царской власти.

⁶⁴ См.: *Заозерский А. И.* Царская вотчина XVII в. М., 1937. С. 43.

⁶⁵ Цит. по: *Исаев И. А., Золотухина Н. М.* История политических и правовых учений России. XI–XX вв. М., 1995. С. 47–50.

⁶⁶ У И. Волоцкого царь получает власть от Бога через церковь. После попыток волоцкого князя захватить земли, обращения И. Волоцкого за защитой к московскому великому князю, обострения отношений с церковными кругами, сторонниками сохранения феодальной раздробленности, он меняет позицию. Теперь он говорит, что царская власть происходит непосредственно от бога, это определяет руководящую роль церкви и подчинение ей царской власти.

⁶⁷ См.: Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001. С. 33.

⁶⁸ Прежде в этом же аспекте критику боярства давал Д. Заточник, который говорил о том, что боярское засилье и самоуправство ведет к прямому ущербу верховной власти и державе. Позже это сделал И. Т. Посошков (1652–1726), назвав их взяточниками и мздоимцами.

⁶⁹ *Ильин И. А.* Наши задачи. Т. 2. Кн. I. С. 294.

правды, с соотношением веры и правды, последней отдавал предпочтение, поскольку «Бог любит не веру, а правду»⁷⁰, отсутствие которой ведет к гибели государства. Утверждал, что так погиб Константинополь, где вера была, а правды не было, где было засилье вельмож, «междоусобных браней» и беззаконных деяний⁷¹.

У Ивана Грозного праведность действия верховной власти, возникающей «по Божественному изволению, а не по многоятежному человеческому желанию»⁷², по воле Провидения, и самодержавных, самостоятельных, сильных властителей имеют целью сохранение Русской земли, христиан, православной христианской веры, укрепление державы для победы над всеми видимыми и невидимыми врагами⁷³.

В XVII в. праведность действия верховной власти (сохраняется взгляд на божественный источник и человеческую природу ее носителя) видится в просвещении, сохранении правды, которая у Ю. Крижанича отождествляется с божьими заповедями, у С. Полоцкого (1629–1680) — с законом.

По мнению Ю. Крижанича, праведная деятельность правителя-самодержца зависит от мудрости и знаний его. Он считал, что правитель, чтобы правильно определять политику, должен знать все о своей стране и ее возможностях. Что он не имеет права учиться на собственных ошибках, которые чреваты последствиями не только для него, но для всего народа, которому приходится расплачиваться за его ошибки⁷⁴. И что он не должен доверять чужеземцам.

Праведная деятельность правителя должна быть направлена на обеспечение мира, общей пользы, благочестия, справедливости, покоя, изобилия, дешевизны. Он предупреждал против совершения невыгодных для России действий, в частности вывоза «сырого материала», называл многие товары национальным достоянием. Считал, что необходимо самим обрабатывать сырье и продавать готовые вещи.

Ю. Крижанич говорил о необходимости государственного контроля, об обязанности чиновников знать все законы и обычаи своей страны, изучать законы других стран. При этом в его понимании монарх-философ возвышается над законом. Две узды у него связывают правителя — правда и стыд⁷⁵.

В XVIII в. в условиях активного проникновения западных идей, использовавшихся для оправдания петровских реформ и нового порядка престолонаследия⁷⁶, меняется понимание власти, особенно в вопросе ее источника. Это новое понимание представлено Ф. Прокоповичем (1681–1736) в его трактате под названием «Правда воли монаршей». В вопросе о происхождении верховной власти он объединил два источника — божественное установление и общественный договор. Приверженцам исторической традиции отвечал, ссылаясь на кодекс Юстиниана, дававший право родителю лишать наследства непокорного сына, и называл безумным того, кто чужого перенимать не хочет.

Перенимали, заимствовали⁷⁷, в результате создали новый тип чиновника, бюрократа, сформировали новый тип государственного

⁷⁰ Ранее эту позицию выразил Максим Грек, сказав, что Бог более всего любит «правду, щедроту и милость». Аналогичная постановка вопроса у И. Тимофеева, И. Т. Посошкова.

⁷¹ *Пересветов И.* Сочинения. М. — Л., 1956. С. 170, 174, 175, 178, 182, 183, 187.

⁷² См.: Послание Ивана Грозного польскому королю Стефану Баторию 1581 г. // Библиотека литературы Древней Руси. Т. II. XVI век. СПб., 2001. С. 171.

⁷³ См.: Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI в. СПб., 2001. С. 21, 25, 27, 29, 33, 35; Второе послание Ивана Грозного Курбскому. С. 73; Послание английской королеве Елизавете I; Послание шведскому королю Юхану III 1573 г.; Послание польскому королю Стефану Баторию 1579 г.; Послание польскому королю Стефану Баторию 1581 г. // Там же.

⁷⁴ Эти вопросы поставлены в Повести временных лет (см.: Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. I. XI–XII в. СПб., 2004. С. 183).

⁷⁵ *Крижанич Ю.* Политика. М., 1965. С. 467, 494–496, 562–565, 605.

⁷⁶ 5 февраля 1722 г. был опубликован Указ о престолонаследии. В нем Петр заменил соборное избрание и наследование по обычаю личным установлением с правом переназначения.

⁷⁷ Усилившаяся ориентация на Запад привела к тому, что в стране начали править бироны, левенвольды, минихи, остерманы, которые раньше были наемными специалистами, знавшими свое место, теперь становились хозяевами и состязались в унижении, разграблении чужой для них страны (см.: *Смирнов В. Г.* Феофан Прокопович. М., 1994. С. 113).

аппарата, функционирующего в пространстве созданной им среды, работающего на основе написанных им регламентов, инструкций, приказов. Этот аппарат оказался оторванным от русской политической традиции, от самодержавного понимания верховной власти. Петр I трансформировал русское самодержавие в абсолютизм, при котором «правительство отчуждает и ведет себя как оккупационный режим на захваченной территории»⁷⁸.

Под влиянием западноевропейской просветительной философии и политической теории⁷⁹ вырабатывался рациональный взгляд на понимание власти, государства, права. Произошло возвеличивание роли разумного закона, с которым теперь связывался порядок, с ним же отождествлялась правда (И. Т. Посошков). Он считал, что рационализм, пришедший на смену средневековому догматизму, определил негативное отношение к церкви⁸⁰.

При всей «новизне» у этих мыслителей сохранились традиционные взгляды, которые содержали признание роли монархии, нравственности, служили «правости» закона (Я. П. Козельский), выражались в требовании обязательности труда, честного исполнения своего долга каждым, служения отечеству⁸¹.

Распространение западных идей привело в XIX в. к развитию либеральной, консервативной, социалистической идеологии. Оно сказалось на либеральных взглядах и определенных действиях императора Александра I. При нем обсуждались конституционные проекты

М. М. Сперанского, Н. Н. Новосильцева, которые предполагали ограничение самодержавной власти, введение гражданских свобод, независимого суда, федеративного устройства. Оно сказалось на взглядах представителей тайных обществ, использовавших идеи естественного права, разделения властей, ориентировавшихся в обсуждении принципов будущего государственного устройства на французскую модель республиканской диктатуры, на английскую модель ограниченной аристократической монархии⁸².

После отмены крепостного права влияние привнесенных либеральных идей приобрело иные масштабы, оно вылилось в идейно-политическое и общественное движение, получившее название «западники». Его представители негативно оценивали прошлое России, критиковали православие за аскетизм, государственный строй за отсутствие демократизма, прав личности, право — за отсутствие в нем формального момента, ориентировали Россию на повторение пройденного Западом пути. При этом не признавали того, что влияние западных идей было направлено на уничтожение русского государственного начала, выраженного в самодержавии, говорил Ю. Самарин (1819–1876). Целое поколение прельстилось западными идеями, возлюбив Запад, забыв свое Отечество. Потом пришел период подражания, порождавший «бледный космополитизм»⁸³.

Эти изменения культуры государственного строительства и государственного управления

⁷⁸ Исаев И. А., Золотухина Н. М. История политических и правовых учений России XI–XX вв. М., 1995. С. 235, 236.

⁷⁹ Проводниками их были: А. Л. Ордин-Нащокин (1605–1680), И. Т. Посошков (1652–1726), В. Н. Татищев (1686–1750), С. Е. Десницкий (1740–1789), М. М. Щербатов (1733–1790), Я. П. Козельский (1729–1795) и др.

⁸⁰ В XV–XVI вв. представители нестяжательской идеологии отрицали возможность вмешательства церкви в политическую деятельность государства, ставили вопрос о разграничении сфер их деятельности. Критиковали духовенство за недостойное поведение, за страсть к сребролюбию, церковь за эксплуатацию чужого труда, за противодействие централизации московского государства, за жестокость по отношению к инакомыслящим, за требование, обращенное к государству, преследовать их не только за действия, но и за мысли. Максим Грек осуждал иерархов церкви, побуждавших своими советами царя на «мужегубительные брани». Ф. Косой отвергал не только монастырскую систему, но всю церковную организацию, как не предусмотренную писанием, как корыстолюбивую, ложную и бесполезную.

⁸¹ И. Т. Посошков своему сыну советовал служить телом и душой отечеству. Позже А. А. Аракчеев скажет, что он служит не Отечеству, а государю.

⁸² Влияние привнесенных либеральных идей экономической свободы, верховенства прав и свобод личности (социально-экономические и политические условия для их развития в России отсутствовали) до отмены крепостного права было ограниченным, их радикальные проявления, в частности восстание западников-декабристов — преследуемыми.

⁸³ Самарин Ю. Соч. Т. XII. М., 1911. С. 340.

Ф. В. Тарановский (1875–1936) связал с рациональным обоснованием государственной власти и использованием либеральной доктрины.

В Средние века, писал он, государственное управление выражалось в юрисдикции, в новых условиях и до середины XIX в. оно называлось полицией (государственным устройством). Поэтому новое государство получило название полицейского государства.

Представителям либеральной теории, которые провозглашали невмешательство государственной власти в сферу материальной жизни и вообще отрицали необходимость управления этой сферой, задача виделась не в управлении государством, а в господстве права, в смысле законотворчества и в защите его в суде. Назначение права связывалось с признанием естественных, неотчуждаемых прав, с обеспечением личной свободы и внешней безопасности. В этом смысле, считал автор, либеральная доктрина поставила на место управляющего государства государство правовое⁸⁴. О нем П. И. Новгородцев (1866–1924) сказал, что оно не является жизненным идеалом, что оно есть частный элемент, подчиненное средство и что в связи с этим право, как государственное установление, «по отношению к полноте нравственных требований есть слишком недостаточное и грубое средство, неспособное воплотить чистоту моральных начал»⁸⁵.

Вместе с тем эти изменения вели к пониманию принципиальных различий в культуре России и Запада, которые не позволяют однозначно идентифицировать Россию как европейское государство.

Синтезируя отечественную мысль, евразийцы утверждали, что эта идентификация невозможна, поскольку у России особое географическое, евразийское положение. У нее особый тип мировосприятия, свое национальное самосознание русских, свой смысл бытия, высочайшая духовность, нравственность, своя культура, психология, свой национально-государственный идеал, основанный на единой идее-правительнице, каковой является идея православной правды, свой особый путь. Все эти ценности,

своеобразный идеал выработаны в условиях специфического пространства — географической евразийской целостности и понимания времени как синтеза вечности и со-бытия. Поэтому, говорят современные мыслители, русские принадлежат прошлому, устремлены в будущее (живут в воображении), обладают особой силой пребывания в настоящем⁸⁶.

В этом не заслуга России, говорил И. А. Ильин, а драгоценная самобытность и особенность среди других стран и народов. Этим определяется задача русского народа: быть таким, каким его определили Бог, природа и история, строить свою государственно-правовую жизнь по-своему, согласно присущей ему духовности, качественности, предметности, самобытности, блюсти свою культуру духа и не заимствовать чужие формы.

В понимании отечественных мыслителей идеал имеет сверхопытное происхождение, лежит вне сферы социальной реальности и не осуществим в пределах земного государства. Он является метафизической и религиозной потребностью. Идеал необходим потому, что перед ним — идеалом, путь к которому лежит через тайну всеобщего преображения в соответствии со смыслом, верой в абсолютное совершенство, с требованиями безусловной правды, высшей справедливости и человеческой нравственности, безмолвствует теория прогресса⁸⁷, на которую так ориентируется рациональная наука и западный мир.

Идеал необходим как поставленная цель развития, которая предписывает понимать, строить государство и осуществлять государственную власть в соответствии с ним не для установления рая, но для предупреждения возникновения ада на земле (В. С. Соловьев).

В связи с этим интерес представляют и коммунистический, и социалистический идеал. В основе коммунистического идеала, писал П. Флоренский, лежит идея сосредоточения, общежития как жития в любви, единомыслии и экономическом единстве. Назовется эта идея по-гречески *киновией*, или по-латыни *коммунизмом*, она всегда близка русской душе⁸⁸. А в

⁸⁴ Тарановский Ф. В. Указ. соч. С. 386–397.

⁸⁵ Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 25.

⁸⁶ См.: Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. М., 2004. С. 46.

⁸⁷ Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. СПб., 1903. С. 309; Новгородцев П. И. Об общественном идеале. Киев, 1919. С. 18, 33.

⁸⁸ Флоренский П. Оправдание космоса. С. 179.

социалистическом идеале, говорил С. Н. Булгаков в работе «От марксизма к идеализму», отразилась эмоциональная и интеллектуальная сторона негодований против существующего социального зла и чаяний на будущее⁸⁹.

Эти идеи, сформулированные отечественными мыслителями, не позволяли русскому национальному самосознанию, утверждал И. А. Ильин, впадать в соблазны экономизма, этатизма, империализма, и русскому народу никогда не казалось, что главное его дело — материальный успех. Они нацеливали самосознание на то, чтобы «узреть и выговорить русскую национальную идею правды», в которой сосредоточились духовно-нравственные, психологические, исторические, иные особенности русского народа, идею, которая вела «Россию через пространства истории», чтобы хранить свою культуру. И. А. Ильин назвал это национальным стоянием в правде, от которого невозможно отступить и нельзя что-либо кому-то уступить. Поэтому, продолжал он, рассуждая о государственном строительстве, задачи заключаются прежде всего в том, чтобы извлечь из забвения понимание культуры как сосредоточения, идеи государства как организации сильной государственной власти, его державности, ибо при слабой власти государство не жизнеспособно. Это необходимо, чтобы найти новые, приемлемые для российского правосознания государственные формы, сочетающие элементы и учреждения, и корпорации. Чтобы осознать необходимость постоянного осуществления отбора качественно лучших людей, способных к власти, — это выражено у него в идее ранга. Чтобы постичь смысл русской идеи, идеал «Святой Руси», которая, в его понимании, не есть совершенная в своей добродетели. Она есть правоверная, признающая свою веру главным делом и отличительной особенностью своего земного бытия.

Дух этих идей на протяжении всей славяно-русской и русско-российской истории питал политико-правовую мысль, всю национальную культуру, которая придавала неповторимый колорит духовно-нравственному измерению

государственно-правовой жизни, определяла, охраняла и обеспечивала ее. Эта праведная качественность позволила И. А. Ильину назвать Россию оплотом европейско-азиатского, а потому вселенского мира и равновесия⁹⁰. Как важно понимание этой роли России в современном неустойчивом, агрессивном мире.

Обобщая национальную традицию мысли, И. Л. Солоневич (1891–1953) утверждал, что русская идея, как сосредоточение духовности, правды, нравственности, нации, государственности, является определяющей идеей, культурным идеалом всего государственного строительства России, что всеобщая европеизация обернулась трагедией для русского народа⁹¹. Она, по мнению евразийцев, привела к помутнению национального самосознания, к деформации собственной культуры. Они возражали против заимствования чужой культуры, говорили, что культуре нельзя научиться, ее нельзя заимствовать и что идея общечеловеческой культуры является несостоятельной⁹².

Россия должна не только идти своим путем, утверждали славянофилы, но и постоянно демонстрировать Западу свою духовность. Чтобы Россия стала образцом и смогла выполнять мессианскую роль, ей надо быть или самым нравственным из всех человеческих обществ, или ничем, писал А. Хомяков (1804–1860), и ей легче вовсе не быть, чем быть ничем. Чтобы стать образцом, России необходимо возродить общественный идеал, основанный на правде⁹³.

Правда у славянофилов представлена внешним и внутренним аспектами. Внешняя правда у государства. Внутренней правдой наделялась земля, олицетворявшая душу народа, который, по мнению Л. А. Тихомирова, не верил в возможность справедливого устройства общественно-политической жизни посредством юридических норм. Народ требует для своей страны большего, мечтает о ней, как о «Святой Руси», живущей правдой и справедливостью. Правда и справедливость являлись и основой понимания права, которое в западном смысле не было известно России, писал И. Киреевский (1806–1856).

⁸⁹ См.: Половинкин С. М. Путь к Храму // Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. С. 17–20.

⁹⁰ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. Кн. I. С. 64–66, 327, 355–359, 367–368, 373, 413–431; Т. 2. Кн. II. С. 69–74; Он же. О сущности правосознания. М., 1994. Т. 4. С. 259–263.

⁹¹ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2010. С. 26.

⁹² См.: Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства // Евразийская хроника. Вып. 2. Берлин. 1935. С. 35.

⁹³ Хомяков А. Полн. собр. соч. Т. III. М., 1911. С. 336–337.

Назначение государственной власти, как внешней силы, виделось в охране земли, воспитании⁹⁴, защите народа. Народ созидает и не стремится к государству, власти, которая отвлекает его от внутреннего, духовно-нравственного совершенствования, искания правды, истины, от внутренней свободы, заключающейся в духе. Поэтому в формировании власти западный количественный принцип большинства и сопровождающая его реализацию охота за голосами в России неприемлемы. Неприемлем европейский парламентаризм, поскольку собрание политических представителей не может иметь личную совесть, а законодательство, принятое по большинству голосов, является грубым обманом⁹⁵.

Продолжая эту линию, консерваторы критиковали, по выражению П. Б. Струве (1870–1944), пошлую реальность с ее бездуховным, односторонним эгалитарно-либеральным прогрессом, индивидуализмом, именуемым гуманизмом, признанием личной политической свободы. В заимствовании, подражании всему этому они видели опасность, поскольку для России подражание «дает понижение, а не повышение идеалов»⁹⁶.

Либеральному прогрессу, демократии, свободе, ведущих к расколу, они противопоставляли традицию мысли, идеи всеединства, верховной власти, монархического самодержавия, абсолютный идеал правды, предполагающий единоличного носителя верховной власти, «решителя» дел по правде и совести. Их идеал был направлен на сохранение самобытности и вытеснявшегося политического строя. Во взглядах консерваторов отразилась позиция Н. М. Карамзина, который полагал, что географическое положение России, обширность территории, численность населения, бывшее историческое

величие предопределили ее к самодержавной монархии⁹⁷.

Спасение консерваторам виделось в национальном источнике, в православном идеале⁹⁸, одухотворяющем и организующем Россию, в сильной власти. С сильной, самодержавной монархической властью связывалось государственное величие России, в ней виделась главная политическая ценность, отказ от которой чреват гибелью России⁹⁹.

Считалось, что единоличная государственная власть становится верховной только тогда, когда над ней есть нравственный идеал, что она должна быть русской, национальной властью и что народ должен чувствовать ее своею властью. Ее основаниями назывались вера, совесть, честь. К ее свойствам были отнесены — духовный авторитет, национальная вдохновенность, правота, достоинство, императивная убедительность, независимость. Утверждалось, что всякая зависимость от международных и иных организаций, от партий, капитала подрывает авторитет власти. Даже зависимость от церкви, считали консерваторы, противоречила бы древней русско-православной традиции.

Этому внутреннему качественному состоянию государственной власти должна соответствовать внешняя форма организации государства. И. А. Ильин считал, что она может быть представлена: корпорацией, которая строится снизу вверх, означает самоуправление, и учреждением, которое строится сверху вниз и означает государственное властвование. В целях обеспечения целостности Русское государство должно строиться по типу учреждения, а не корпорации, а элементы корпорации и сфера применения принципа самоуправления должны быть ограничены. Дух учреждения может

⁹⁴ Государства, признающие себя торговым скоплением лиц и выражающим их интересы, как, например, Северо-Американские штаты, не имеют почти никакого права вмешиваться в дело воспитания. Но для России дело воспитания является прямой обязанностью, поскольку это государство складывается в обществе, основанном на законах нравственности и высшей правды (см.: *Хомяков А.* Полн. собр. соч. Т. I. М., 1911. С. 348).

⁹⁵ См.: *Аксаков И.* Соч. Т. I. М., 1886–1887. С. 19 ; Т. V. С. 104, 156 ; *Аксаков К.* Записки о внутреннем состоянии России // *Теория государства у славянофилов.* СПб., 1898. С. 24–27 ; *Киреевский И.* Полн. собр. соч. Т. I. М., 1911. С. 115 ; *Хомяков А.* Полн. собр. соч. М., 1911. Т. VIII. С. 391.

⁹⁶ См.: *Тихомиров Л. А.* Критика демократии. С. 543.

⁹⁷ *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России в политическом и гражданском отношениях. М., 1991.

⁹⁸ Будучи приверженцами византийского влияния, они говорили и о других, более глубоких источниках.

⁹⁹ См.: *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и славянство. М., 1996. С. 95, 99–104, 108, 118, 121, 176, 272, 391 ; *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность. С. 216–238, 248, 252, 329–331.

временно ослабевать, но горе той республике или демократии, в которой он совсем уйдет¹⁰⁰.

Внешняя форма может быть представлена либо федерацией, либо унитарным государством. Федерация определяется как союз государств, основанный на договоре и законе. Идея федерализма имеет два аспекта: объединяющее с центростремительным направлением и обособляющее, центробежное с его тенденцией к самостоятельности и расчленению.

Федерация возможна только там, где есть несколько самостоятельных, небольших, нуждающихся друг в друге государств, где есть способность к обязательствам, договорам, к государственному самоуправлению, где есть соответствующее правосознание. Без этих оснований федерация или останется на бумаге, или превратится в псевдофедерацию, утверждал И. А. Ильин. Анализируя историческую литературу, он писал о том, что Россия была спасена от татарского ига, объединена, замирена¹⁰¹ и возвеличена не федеративной, а унитарной и авторитарной государственностью. Что в России невозможна федерация, и она неспособна к единению в федеративном расчленении. Что нельзя заимствовать, брать «с чужого плеча», как говорил И. А. Ильин, поскольку нет единой, общей для всех государственной формы.

В односторонней ориентации на форму К. П. Победоносцев видел опасность. Рассуждая о форме судебного учреждения, говорил, что в ней видится машина для искусственного делания правды, что под этой формой незаметно развивается лицемерие, самообольщение человеческого «я», что без правды она может убить дух животворный. Без правды вся формальная жизнь становится каким-то маревом дикого воображения, чем она является в новейшей, искусственной, выглаженной и выстроганной по европейской моде¹⁰².

Считались неосуществимыми в России общественный договор, либеральная демократия, представительство, всеобщее избирательное право. И. А. Ильин писал о том, что Мономаховичи впервые выговорили новое политическое

слово: договорное начало. Оно не для Руси, в федерации нет спасения, надо искать спасение в единодержавии, унитарном начале. Утверждалось, что все установления демократического строя с их арифметическим подсчетом голосов, развоят русское государство. Что они усиливают центробежные силы в политике, поэтому должны быть заменены иными, закрепляющими национальное единение¹⁰³. А представительство П. Флоренский назвал вредным демократическим принципом, поскольку он расслабляет целое¹⁰⁴.

И. А. Ильин напоминал о том, что государство возникает из внутреннего мира, из душевно-духовного уклада, а не общественного договора, существует для него и действует через внутренний мир. Государство в идее есть духовный союз людей, единый живой организм, представляющий собой органическое единообразие в различии, который держится инстинктом национального самосохранения, духовностью, зрелым государственным правосознанием, полусознанной лояльностью, чувством долга и патриотизма. И это единство должно быть идеологически обосновано своей национальной, единой государственной идеологией.

Государство, говорил он, должно быть живым и верным выводом из русской истории, национальной, державной, психологической данности народа, из аристократической природы государственной власти. Аристократизм власти И. А. Ильин понимал не в сословном, а в духовном смысле. Он говорил об особых качествах людей, идущих во власть, их духовно-нравственной культуре, о людях высокой духовной силы, которых называл людьми первого ранга, лучшими людьми. Быть носителями власти, строить государство должны лучшие люди, утверждал И. А. Ильин¹⁰⁵.

Это люди, понимающие смысл социальной жизни, сущность и назначение верховной и управительной власти, истинное государственное строение, специфику территориальных, национальных, культурных, иных особенностей

¹⁰⁰ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. Кн. I. С. 101–105, 259, 265–266, 274, 303–304, 314, 326–327, 413–419.

¹⁰¹ В продолжение 234 лет (1228–1462) северная Русь вынесла 90 внутренних усобиц.

¹⁰² См.: Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 85, 87.

¹⁰³ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. Кн. I. С. 206–209, 218–221, 247–250, 417 и др.

¹⁰⁴ Флоренский П. А. Предполагаемое государственное устройство в будущем // Литературная учеба. 1991. № 3. С. 97.

¹⁰⁵ См.: Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. Кн. I. С. 157–159, 265–266, 273–278, 314–315, 356–359, 417 и др.; Он же. О сущности правосознания. С. 277; Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 187.

жизни народа. Это люди, обладающие необходимым уровнем правового, нравственного, политического, юридического сознания, способные не только исторически, но и стратегически мыслить, формулировать насущные задачи исторического развития, воспитания, дипломатии, обороны и духовно-нравственного совершенствования.

Лучший — это тот, кто относится к власти как долгу, служению, кто способен служить общему благу¹⁰⁶, своему народу, ставить общегосударственные цели и достигать их. Это тот, кто готов к исканию и осуществлению правды, кто является художником естественной правды¹⁰⁷. Это опытный, справедливый, ответственный человек. Лучшим называется тот, кто обладает духовным достоинством, внутренней свободой, благочестивостью, лояльностью, кто умеет управлять собой. Если человек не умеет управлять собой, то он не сможет управлять и государством, несмотря на наличие многих внешних факторов — законов, суда, армии. По мнению И. Златоуста, правитель не тот, кто так называется, а кто им является на самом деле¹⁰⁸. Поэтому быть носителем власти может не каждый человек. Это дело знающего и опытного меньшинства, утверждал И. А. Ильин¹⁰⁹.

Сегодня в результате очередного заимствования возникли те последствия, о которых предупреждали мыслители: деформация собственной культуры, падение духовности, нравственности, разрушение государства как высшей формы социального единства.

Россия вновь уклонилась от правды, которая, в понимании отечественных мыслителей, олицетворяет истину бытия, является качественным критерием власти, права, государственного законодательства, всей государственно-правовой жизни, которая определяет сущность государства-правды, характер правящего отбора, систему идеалаправства. Вместо государства правды она провозгласила и законодательно закрепила правовое государство в

его западном, законно-позитивистском, а не нравственно-правовом понимании. Россия приняла эту ориентацию и ушла от собственного понимания государственной жизни.

Современной России не мешало бы вспомнить о своей культуре, извлечь из забвения идеи, составившие основу понимания идеала государственного строительства и государственного управления, определившие национальную традицию отечественной политико-правовой мысли.

В современной российской политико-правовой мысли, в науке и законодательстве нет сущностного понимания и четкого определения верховной и исполнительной (управительной) власти, государства, их назначения, основ, признаков, характеризующих и обеспечивающих государственное единство — национального государственного правосознания, государственной идеологии, государственного суверенитета.

В действующей Конституции РФ 1993 г., созданной в соответствии с принципами западной идеологии, носителем (а кто обладателем является?¹¹⁰) суверенитета (какого?) является народ (ст. 3). Идея народного суверенитета, с одной стороны, явилась провозвестницей новой демократической эры, с другой стороны, она, как и вся доктрина Руссо, не согласовывалась с идеями Нового времени: с идеями представительного правления, прав личности. П. И. Новгородцев еще в начале XX в. назвал идею народного суверенитета отвлеченной, спорной, неясной, сказал о ее историческом кризисе¹¹¹. Создатели действующей российской Конституции поступили так, как идеологи Французской революции, соединили эти идеи.

Государственная идеология запрещена (ч. 2 ст. 13). А государственное правосознание вообще вне поля зрения. Термин «верховенство» в ней используется в следующих значениях. В части 2 ст. 4 говорится о верховенстве Конституции РФ и федеральных законов на всей территории Российской Федерации. В части 1

¹⁰⁶ Цицерон называл благом все, что нравственно.

¹⁰⁷ См.: Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. Кн. I. С. 155 ; Т. 2. Кн. II. С. 22 и др. ; Он же. Путь к очевидности. С. 383–390 и др. ; Он же. О сущности правосознания. С. 266–268, 285–293, 308 и др.

¹⁰⁸ См.: Иоанн Златоуст. Слово о начальстве, власти и славе. Т. 12. Кн. 2. С. 629–630 ; Он же. Избранные поучения. М., 2001. С. 300–302.

¹⁰⁹ Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. Кн. I. С. 101–102.

¹¹⁰ Вынос знамени: военного, гражданского, переходящего — почетная обязанность, не свидетельствующая о том, что знамя принадлежит несущему его.

¹¹¹ Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб., 2000. С. 28–44, 67–68, 54–63.

ст. 87 — о том, что Президент РФ является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ. В статье 126 речь идет о Верховном Суде РФ.

В верховной и исполнительной власти, в государстве видится чисто юридическое состояние. Верховная власть не рассматривается как носительница национальной идеи, государственного идеала. Понимание верховной власти не связывается с целостностью, неделимостью, с высшим авторитетом ее, которые определяют характер системы власти-подчинения, которыми строится и действует государство, формируются реальные властеотношения. Понимание верховной власти не связывается с государственным правосознанием, государственной идеологией, с верховной целью, которая определялась мыслителями как душевно-духовное возрастание человека и называлась основой развития государственно-организованного общества.

Исполнительная власть и государство не рассматриваются как орудия верховной власти, которые призваны осуществлять ее волю, служить реализации государственного идеала, вырабатывать в конкретных условиях историческую цель, стратегию, единую государственную идеологию, государственную политику, направленную на выявление и осуществление национальных интересов, сосредоточивать и направлять народные силы на достижение поставленных целей. На них не возлагается обязанность постоянно совершенствовать государственную жизнь, направляя ее на то, что должно быть, на идеал. С другой стороны, органы исполнительной власти, представляющие собой силу, уполномоченную законом, призваны действовать в пределах юридических полномочий, организовано управлять обществом, устанавливать и сохранять в нем всеобщий, твердый порядок. Разделение труда, насущные потребности общества определяют специализацию и назначение исполнительной власти создавать реальные условия в различных социальных сферах для реализации потребностей и предполагают то, что называется разделением властей.

Отсутствие четкого разграничения этих властей, игнорирование их сущностных и функциональных особенностей привело к тому, что принцип разделения властей, характерный для исполнительной власти, распространился по западному образцу и на верховную власть. Учение юристов о разделении «в самой верховной власти» Л. А. Тихомиров назвал патологией¹¹². Такая ситуация сложилась в современной российской науке и в законодательстве. Тексты статей 10, 11 Конституции РФ 1993 г. способствуют такому толкованию.

Отечественные мыслители считали, что непонимание сущности, высокого назначения власти ведет к негативным последствиям, проявляющимся в отношении к власти, государству, его строению и деятельности. Они полагали, что власть и строительство государства в идеале требуют таланта и мудрости, в реальной жизни — определенных знаний, подготовки, опыта, способности и желания служить общему делу, которыми «все» никогда не обладали и обладать не будут, утверждал И. А. Ильин.

Согласно этой логике, у людей, идущих во власть, должно быть призвание и признание ими долга служить этому призванию, они должны воспринимать власть как обязанность, бремя. Соответственно, в теории и в законодательстве должно устанавливаться иное соотношение между элементами полномочий органов исполнительной власти и должностных лиц, речь должна идти прежде всего об обязанностях, а не правах и привилегиях.

Сегодня в теоретической характеристике полномочий государственных органов и их реализации предпочтение отдается правам¹¹³, круг обязанностей сокращается. Авторы учебника по административному праву говорят о том, что в регулировании реализации задач и функций исполнительной власти все более широкое распространение получают административные нормы дозволистского характера. Управленческая практика исходит из необходимости резкого сокращения прямых предписаний, т.е. обязываний¹¹⁴.

¹¹² Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 51.

¹¹³ См., например: Мишин А. А., Страшун Б. А. Конституционно-правовой статус политических институтов. Пар. 1 // Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук, проф. Б. А. Страшун. М., 1993. Т. 1 : Часть общая: Конституционное право, человек, общество. С. 185–186.

¹¹⁴ См.: Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «правоведение». М., 1996. С. 58–59.

В Конституции РФ 1993 г. нет четкого разграничения обязанностей и прав должностных лиц и государственных органов. Неоднозначный смысл употребляемых в ней терминов: «определяет», «применяет», «обеспечивает», «гарантирует», «защищает» и др. — не способствует этому разграничению. Например, в ст. 113 говорится: Председатель Правительства РФ определяет основные направления деятельности Правительства РФ и организует его работу. В пункте «г» ст. 114 говорится: Правительство Российской Федерации «осуществляет управление федеральной собственностью»; в п. «д» этой же статьи говорится, что оно «осуществляет меры по обеспечению обороны страны, государственной безопасности».

Непонимание особенности верховной власти как носительницы государственного идеала, утрата этого идеала, утрата связи с нацией, проявление ею недальновидности, слабости, ориентация только на исполнительную власть лишают ее возможности, говорил К. П. Победоносцев, осуществлять свое основное назначение — властвовать в интересах нации, быть носительницей и мерилom правды, отличая правду от неправды. В этих условиях она погружается бюрократией исключительно в дело управления. Погруженная в мелкие управительные дела, она не имеет возможности контролировать подчиненную ей власть и ее действия. В результате действительной властью страны становится канцелярия¹¹⁵. Это ведет к изменению соотношения верховной

власти с управительной властью, которое может привести к усилению правительства, к его оппозиции. Правительство может стать силой, враждебной верховной власти, действовать по собственной воле или безволию, согласно чужой воле, вопреки интересам народа. Это чревато радикальными изменениями в государстве¹¹⁶.

Верховная власть должна знать об этой опасности, говорил Л. А. Тихомиров, она должна своевременно предотвращать ее, обеспечивая согласованность действий с управительной властью, сдерживая правительство в его властных устремлениях¹¹⁷.

Даже краткое изложение взглядов отечественных мыслителей свидетельствует о том, что государственное строительство они понимали как дело высокой культуры, культуры чувства, мысли, чести, долга, служения, совести, достоинства, завещали воспитывать эту культуру и в соответствии с ней строить государство и осуществлять государственное управление.

Небольшие штрихи к сложившейся теоретической и законодательной ситуации в стране позволяют ставить вопрос о необходимости повышения правовой и юридической культуры общества в целом и, прежде всего тех, кто будет участвовать в строительстве современного российского государства, в совершенствовании законодательства, от кого будет зависеть состояние отечественной юридической науки. Речь, конечно же, о студентах юридических вузов и о юридическом образовании.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аксаков К. Записки о внутреннем состоянии России // Теория государства у славянофилов. — СПб., 1898.
2. Алексеев Н. Н. Основы философии права. — СПб., 1999.
3. Арановский К. В. Конституционная традиция в российской среде. — СПб., 2003.
4. Бердяев Н. А. Судьба России. — М., 1918.
5. Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2001. — Т. 11 : XVI век.
6. Булгаков С. Н. От марксизма к идеализму. — СПб., 1903.
7. Булгаков С. Н. Героизм и подвижничество. — М., 1992.
8. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет : в 2 т. — М., 1971. — Т. 2.
9. Гулыга А. В. Творцы русской идеи. — М., 2006.

¹¹⁵ См.: Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 184–185, 187 ; Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 398.

¹¹⁶ Наиболее типичный пример покорения верховной власти магистратурой с сёгуном во главе дала монархическая Япония. Эта тенденция проявляется в государствах с парламентарным устройством, в которых народ — носитель верховной власти отстранен от всякого влияния на политическую жизнь.

¹¹⁷ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. С. 25–37.

10. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. — СПб., 1995.
11. Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. — М., 1937.
12. Иларион. Слово о законе и благодати // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2004. — Т. 1 : XI–XII века.
13. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Собрание сочинений : в 10 т. — М., 1993. — Т. 1.
14. Ильин И. А. Наши задачи. Том второй. Книга I. — М., 1993.
15. Ильин И. А. Путь к очевидности // Собрание сочинений : в 10 т. — Т. 3. — М., 1994.
16. Иоанн Златоуст. Избранные поучения. — М., 2001.
17. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в политическом и гражданском отношениях. — М., 1991.
18. Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. — М., 1956. — Т. 1 : Курс русской истории. Ч. 1.
19. Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. — М., 1983.
20. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. Книга первая. — М., 1993.
21. Ковалевский П. И. Русский национализм и национальное воспитание в России. — СПб., 1912.
22. Коркунов Н. М. История философии права : пособие к лекциям. — Изд. 3-е. — СПб., 1903.
23. Крижанич Ю. Политика. — М., 1965.
24. Леонтьев К. Н. Восток, Россия и славянство. — М., 1996.
25. Мальцев Г. В. Социальные основания права. — М., 2007.
26. Мартышин О. В. Теория государства и права в постсоветское десятилетие. Некоторые итоги // Право и политика. — 2000. — № 7.
27. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Сочинения : в 2 т. — М., 1990. — Т. 1.
28. Новгородцев П. Н. Об общественном идеале. — Киев, 1919.
29. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. — СПб., 2000.
30. Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Манастырный А. В., Тюрин М. Е. Юридические архетипы в правовой политике России. — Ростов н/Д, 2009.
31. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2001. — Т. 11 : XVI век.
32. Пересветов И. Сочинения. — М. — Л., 1956.
33. Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. — М., 1993.
34. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2004. — Т. 1 : XI–XII века.
35. Покровский С. А. Из истории русской политической мысли XVI века // Труды. Т. XXII. Часть II. — М., 1971.
36. Послание Ивана Грозного польскому королю Стефану Баторию 1581 года, английской королеве Елизавете, шведскому королю Юхану III 1573 г., польскому королю Стефану Баторию 1579 г., 1581 г. // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2001. — Т. 2 : XVI век.
37. Поучение Владимира Мономаха // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2004. — Т. 1 : XI–XII века.
38. Пресняков А. Е. Российские самодержцы. — М., 1990.
39. Савва В. Московские цари и византийские василевсы. — Харьков, 1901.
40. Синюков В. Н. Российская правовая система: введение в общую теорию. — Саратов, 1994.
41. Синюков В. Н. Россия в XXI в.: пути правового развития // Ежегодник российского права, 2000. — М., 2001.
42. Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. — М., 1994.
43. Соловьев Вл. Смысл любви : избранные произведения. — М., 1991.
44. Солоневич И. Л. Народная монархия. — М., 2010.
45. Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины : сборник статей о русской революции. — М., 1990.
46. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. — Изд. 3-е. — СПб., 2001.
47. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. — СПб., 1992.
48. Тихомиров Л. А. Критика демократии. — М., 1997.
49. Трубецкой Н. С. Об идее-правительнице идеократического государства // Евразийская хроника. — Вып. 2. — Берлин, 1925.
50. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Избранные произведения. — Ростов н/Д, 1998.
51. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. — М., 1990. — Т. 2.
52. Шапаров С. Самодержавие и управление. — М., 1907.

Материал поступил в редакцию 3 июня 2020 г.

REFERENCES

1. Aksakov K. Zapiski o vnutrennem sostoyanii Rossii [Notes on the internal state of Russia]. In: Teoriya gosudarstva u slavyanofilov [The Slavophiles' theory of the state]. St. Petersburg; 1898. (In Russ.)
2. Alekseev NN. Osnovy filosofii prava [Fundamentals of the philosophy of law]. St. Petersburg; 1999. (In Russ.)
3. Aranovskiy KV. Konstitutsionnaya traditsiya v rossiyskoy srede [Constitutional tradition in the Russian environment]. St. Petersburg; 2003. (In Russ.)
4. Berdyaev NA. Sudba Rossii [Fate of Russia]. Moscow; 1918. (In Russ.)
5. Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg; 2001. Vol. 11: 16th century. (In Russ.)
6. Bulgakov SN. Ot marksizma k idealizmu [From Marxism to idealism]. St. Petersburg; 1903. (In Russ.)
7. Bulgakov SN. Geroizm i podvizhnichestvo [Heroism and asceticism]. Moscow; 1992. (In Russ.)
8. Hegel GVF. Raboty raznykh let: v 2 t. [Works of different years: in 2 vols.]. Moscow; 1971. Vol. 2. (In Russ.)
9. Gulyga AV. Tvortsy russkoy idei [Creators of the Russian idea]. Moscow; 2006. (In Russ.)
10. Danilevskiy NYa. Rossiya and Evropa. Vzgl'yad na kulturnye i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu [Russia and Europe. An outlook at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Romanesque]. St. Petersburg; 1995. (In Russ.)
11. Zaozerskiy AI. Tsarskaya votchina XVII v. [Tsarist patrimony in the 17th century]. Moscow; 1937. (In Russ.)
12. Ilarion. Slovo o zakone i blagodati [A word about law and grace]. Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg; 2004. Vol. I: 11th-12th centuries. (In Russ.)
13. Ilin IA. Osnovy khristianskoy kultury [Fundamentals of Christian culture]. Sobr. soch. v desyati tomakh [Collected works in ten volumes]. Moscow; 1993. Vol. 1. (In Russ.)
14. Ilin IA. Nashi zadachi. Tom vtoroy. Kniga I [Our tasks. Volume two. Book I]. Moscow; 1993. (In Russ.)
15. Ilin IA. Put k ochevidnosti. Tom tretiy [The path to evidence. Volume three]. Moscow; 1994. (In Russ.)
16. John Chrysostom. Izbrannye poucheniya [Selected teachings]. Moscow; 2001. (In Russ.)
17. Karamzin NM. Zapiska o drevney i novoy Rossii v politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [Note on ancient and new Russia in political and civil relations]. Moscow; 1991. (In Russ.)
18. Klyuchevskiy VO. Sochineniya: v 8 tomakh [Essays: in 8 volumes]. Moscow; 1956. Tom I: Kurs russkoy istorii. Chast I [Vol. 1: Course of the Russian history. Part 1]. (In Russ.)
19. Klyuchevskiy VO. Neopublikovannye proizvedeniya [Unpublished works]. Moscow; 1983. (In Russ.)
20. Klyuchevskiy VO. Russkaya istoriya. Polnyy kurs lektsiy v trekh knigakh. Kniga persvaya [Russian history. Complete course of lectures in three books. Book one]. Moscow; 1993. (In Russ.)
21. Kovalevskiy PI. Russkiy natsionalizm i natsionalnoe vospitanie v Rossii [Russian nationalism and national education in Russia]. St. Petersburg; 1912. (In Russ.)
22. Korkunov NM. Istoriya filosofii prava: posobie k lektsiyam [History of the philosophy of law: A manual for lectures]. 3rd ed. St. Petersburg; 1903. (In Russ.)
23. Krizhanich Yu. Politika [Politics]. Moscow; 1965. (In Russ.)
24. Leontiev KN. Vostok, Rossiya i slavyanstvo [East, Russia and slavjanism]. Moscow; 1996. (In Russ.)
25. Maltsev GV. Sotsialnye osnovaniya prava [Social foundations of law]. Moscow; 2007. (In Russ.)
26. Martyshin OV. Teoriya gosudarstva i prava v postsovetское desyatiletie. Nekotorye itogi [Theory of state and law in the post-Soviet decade. Some results]. *Pravo i politika [Law and politics]*. 2000;7. (In Russ.)
27. Nietzsche F. Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe [Human, all too human]. In: Nietzsche F. Sochineniya: v 2 t. [Works: in 2 vols.]. Moscow; 1990. Vol. 1. (In Russ.)
28. Novgorodtsev PN. Ob obshchestvennom ideale [About the social ideal]. Kiev; 1919. (In Russ.)
29. Novgorodtsev PI. Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya [Introduction to the philosophy of law. Crisis of modern sense of justice]. St. Petersburg; 2000. (In Russ.)
30. Ovchinnikov AI, Mamychyev AY, Manastyrnyy AV, Tyurin ME. Yuridicheskie arkhetipy v pravovoy politike Rossii [Legal archetypes in the legal policy of Russia]. Rostov on Don; 2009. (In Russ.)
31. Pervoe poslanie Ivana Groznogo Kurbskomu [The first message of Ivan the Terrible to Kurbskiy]. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg; 2001. Vol. 11: 16th century. (In Russ.)
32. Peresvetov I. Sochineniya [Works]. Moscow-Leningrad; 1956. (In Russ.)
33. Pobedonostsev KP. Velikaya lozh nashego vremeni [The great lie of our times]. Moscow; 1993. (In Russ.)

34. Povest vremennykh let [The tale of bygone years]. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg; 2004. Vol. 1: 11th-12th centuries. (In Russ.)
35. Pokrovskiy SA. Iz istorii russkoy politicheskoy mysli XVI veka [From the history of Russian political thought of the 16th century]. Trudy. T. XXII. Chast II [Works. Vol. 22. Part 2. Moscow; 1971. (In Russ.)
36. Poslanie Ivana Groznogo polskomu korolyu Stefanu Batoriyu 1581 goda, angliyskoy koroleve Elizavete, shvedskomu korolyu Yukhanu III 1573 g., polskomu korolyu Stefanu Batoriyu 1579 g., 1581 g. [Ivan the Terrible's Message to King Stefan Batory of Poland in 1581, Queen Elizabeth of England, King Johan III of Sweden in 1573, and King Stefan Batory of Poland in 1579 and 1581]. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg; 2001. Vol. 2: 16th century. (In Russ.)
37. Pouchenie Vladimira Monomakha [The Teachings of Vladimir Monomakh]. In: Biblioteka literatury Drevney Rusi [Library of literature of Ancient Russia]. St. Petersburg; 2004. Vol. 1: 11th-12th centuries. (In Russ.)
38. Presnyakov AE. Rossiyskie samodержitsy [The Russian autocrats]. Moscow; 1990. (In Russ.)
39. Savva V. Moskovskie tsari i vizantiyskie vasilyevsy [Moscow tsars and Byzantine basileuses]. Kharkiv; 1901. (In Russ.)
40. Sinyukov VN. Rossiyskaya pravovaya sistema: vvedenie v obshchuyu teoriyu [Russian legal system: introduction to general theory]. Saratov; 1994. (In Russ.)
41. Sinyukov VN. Rossiya v XXI v.: puti pravovogo razvitiya [Russia in the 21st century: Ways of legal development]. In: Ezhegodnik rossiyskogo prava, 2000 [Yearbook of Russian law, 2000]. Moscow; 2001. (In Russ.)
42. Smirnov VG. Feofan Prokopovich [Theophan Prokopovich]. Moscow; 1994. (In Russ.)
43. Solovyov VL. Smysl lyubvi: izbrannye proizvedeniya [The meaning of love: selected works]. Moscow; 1991. (In Russ.)
44. Solonevich IL. Narodnaya monarkhiya [People's monarchy]. Moscow; 2010. (In Russ.)
45. Struve PB. Istoricheskiy smysl russkoy revolyutsii i natsionalnye zadachi [Historical meaning of the Russian revolution and national tasks]. In: Iz glubiny: sbornik statey o russkoy revolyutsii [From the depths: A collection of papers on the Russian revolution]. Moscow; 1990. (In Russ.)
46. Taranovskiy FV. Entsiklopediya prava [Encyclopedia of law]. 3rd ed. St. Petersburg; 2001. (In Russ.)
47. Tikhomirov LA. Monarkhicheskaya gosudarstvennost [Monarchical statehood]. St. Petersburg; 1992. (In Russ.)
48. Tikhomirov LA. Kritika demokratii [Criticism of democracy]. Moscow; 1997. (In Russ.)
49. Trubetskoy NS. Ob idee-pravitelnitse ideokraticeskogo gosudarstva [About the idea-ruler of the ideocratic state]. Evraziyskaya khronika [Eurasian chronicle]. Issue 2. Berlin; 1925. (In Russ.)
50. Trubetskoy EN. Smysl zhizni [The Meaning of life]. Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Rostov on Don; 1998. (In Russ.)
51. Florenskiy PA. U vodorazdelov mysli [At the watersheds of thought]. Moscow; 1990. Vol. 2. (In Russ.)
52. Sharapov S. Samoderzhavie i upravlenie [Autocracy and governance]. Moscow; 1907. (In Russ.)